

Григорий Саркисов

**ПРО
НАС**

Размышлялки

Григорий Саркисов

PRO H A C

«Издательские решения»

Саркисов Г.

PRO H A C / Г. Саркисов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-04-003444-4

Эта книга для умных и активных. А значит, если вы не смотрите «Дом-2» и морщитесь от плоских шуток в «комедиклабах», — это ваша книга!

ISBN 978-5-04-003444-4

© Саркисов Г.
© Издательские решения

Содержание

Т а р а к а н	6
Зеленая пуговица	8
Страшная сила	13
Лайнер и лодки	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

PRO H A C
Размышлялки
Григорий Саркисов

© Григорий Саркисов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Т а р а к а н Рассказ

От бухгалтера Егорова ушла жена.

Вернувшись с работы, он обнаружил пустой платяной шкаф, и записку: «Не жди. Ушла к Карманчикову. Борщ в холодильнике. Люся».

Егоров тупо смотрел на знакомые круглые буквы. В романах брошенный муж берет пистолет и... Но пистолета не было. Да и стреляться Егорову не хотелось. Хотелось лечь на продавленный диван, укрыться с головой одеялом и увидеть какой-нибудь приятный сон. Но спать человеку, от которого только что ушла жена, как-то глупо. Егоров вымыл посуду. Долго стоял у окна, кусая оранжевые от табака кончики усов, и бездумно таращась в сиреневые сумерки. Потом вышел из дома, спустился узкими улочками к реке и побрел по топкому берегу. В ботинки сразу набился песок.

Егорову стало жалко себя. Вот идет он, всеми брошенный, по грязному берегу грязной реки, и никому нет до него никакого дела.

– Утоплюсь! – решил Егоров. Но вспомнил, что умеет плавать. Огляделся, выбрал из прибрежных камней пару булыжников поувесистей, запихал себе под куртку, и пошел к воде. Булыжники выпали и больно стукнули по ноге. Судорожно всхлипнув, Егоров брезгливо потрогал торчащий из песка трухлявый пенек, и сел. Ныла нога. От реки несло тиной и ночной сыростью.

– Вот дрянь! – Егоров зло сплюнул в коричневую воду. – Променять меня на этого оборота Карманчикова! И чего ей не хватало, спрашивается? Вчера туфли купили. Ну, небогато живем, конечно. Зато честно. Квартирка тоже не очень, но на хорошую квартиру сколько денег надо! Миллионов десять, наверное. Или больше... Карманчиков, поди, деньги лопатой гребет, зубной врач все-таки. И квартира у него в центре, и машина как у олигарха, и отец тоже жулик... А в бухгалтерии не разбогатеешь, чужое считая, Но ведь и не пью, как Горохов, по бабам, как Пузанский, не бегаю. Даже на рыбалке был всего однажды...

Егоров вспомнил, как его принесли с рыбалки вдрызг пьяным, и он пытался сделать импичмент гостившей у них теще Маргарите Петровне. Воспоминание о том давнем случае возвращалось к Егорову в самые плохие минуты его жизни. Плохих минут было не много, но они почему-то запомнились лучше хороших. Которых, впрочем, тоже было не густо.

Егоров закурил, поперхнулся горьким дымом, закашлялся, бросил сигарету в воду и пробормотал;

– Надо бы поменьше курить. А то умру.... Хотя, так и так умру. Ну, да и черт с ним. То есть, со мной...

Он махнул рукой. И пошел домой.

В окне горел свет.

– Растяпа, забыл выключить! – ругнулся про себя Егоров, тяжело поднимаясь по ступенькам. – Теперь нагорело, как за неделю.

Жена была дома.

– ...Ах, Люба, что ты! – услышал Егоров голос жены, говорившей с кем-то по телефону. – С ним все кончено! Он подлец, если хочешь знать. Прихожу сегодня к нему с чемоданом, как договаривались. А у него эта фифа, Лебедкина. Ну, ты знаешь, у нее муж баней заведует, приятный такой человек. А жена – не дай кому Бог. При живом муже – у Карманчикова! Вот и я говорю, совсем стыд потеряли!.. И вот я прихожу, говорю, здравствуйте, а они на меня смотрят, как на идиотку. А эта Лебедкина еще и улыбается, змея! Потом Карман... этот негодяй меня спрашивает – «Вы на прием? Сегодня я не пломбирую, приходите завтра».

Он сегодня не пломбирует, паразит! И кому он это сказал! Мне!!! Я, как гордая женщина, плюнула в них, забрала чемодан и вернулась к своему таракану... Что? Таракан? Нет, он еще на работе. Чуть не попалась, – записку ему оставила, хорошо, он не видел... Да нет, он не догадывается. Ума не хватит. У него же только цифры в голове, одно слово – бухгалтер... Ой, слушай, я себе такие шикарные туфельки отхватила!..

Егоров тихонько затворил за собой дверь. Спустившись вниз, он вышел из подъезда, и остановился. Уже совсем стемнело. Ветер раскачивал фонарь на столбе, и казалось, качается улица.

– Та-ра-кан!.. Та-ра-кан!.. – сварливо выпевал фонарь.

Егорову хотелось выпить, но не было денег. Постояв у подъезда с полчаса, основательно продрогший Егоров поплелся домой. Жена сидела в гостиной и раскладывала пасьянс. Услышав, как стукнула входная дверь, она крикнула:

– Зюзик, это ты? Слава Богу! А то я уже волновалась...

– Да на работе застрял, – промямлил Егоров. – Отчет горит, а Пузанский...

– погоди, – отмахнулась жена, вертя в руке даму пик. – Тут у меня что-то не складывается... А если короля – вот сюда попробовать?..

Егоров молча смотрел на нее. Ни гнева, ни ревности больше не оставалось, и даже обида куда-то улетучилась. Была радость от того, что жена вернулась, и теперь все пойдет по-прежнему.

– Давай чай пить, – сказал Егоров. – Я сегодня пирожные купил. С орехами. Как ты любишь.

– Спасибо, Зюзик! – жена чмокнула Егорова в колючую щеку, и убежала на кухню ставить чайник.

Егоров облегченно вздохнул. Помолчал. Пригладил усы. Сел в кресло, надел очки и уткнулся в кроссворд из вчерашней газеты.

Где-то за обоями уютно скрипел таракан.

Зеленая пуговица

Рассказ

В жизни, господа, случается такое, что и не знает человек, – плакать ему или смеяться. А потом плюнет – и заплачет, и засмеется одновременно. А там, глядишь, и забудет неприятное. На то она и жизнь, чтобы забывать.

Писатель Ерошкин был сова. По утрам у него обострялась язва и портился характер. Всклокоченный, торжественно-мрачный, бродил писатель по квартире печальным привидением, пугая домашних и нервируя кота Мурзария. Потом домашние разбежались по своим делам, Мурзарий, оседлав спинку кресла, смотрел телевизор, а Ерошкин уходил на кухню, заваривал себе кофе покрепче, закуривал вкусную утреннюю сигарету, – и окончательно просыпался.

Так было всегда.

Так было и в то утро.

Ерошкин пил кофе, курил, и думал. Мысли у него были не очень приятные. Но ведь и редкой сове приходит по утрам приятная мысль. А в то утро Ерошкин думал о несправедливом устройстве жизни. Конечно, для какого-нибудь обыкновенного человека это была бы слишком глобальная мысль, но для писателя – ничего особенного. Особенно для такого крупного писателя, как Ерошкин.

Полгода пыхтел он над компьютером, по капле выдавливая из себя «Раба». Этот роман должен был стать вершиной творчества писателя Ерошкина. Но почему-то вершиной никак не становился. Слова выходили банальные, сюжет казался плоским, диалоги – корявыми. А ведь первые главы обнадеживали, и даже заклятый враг Ерошкина, критик Пиндар-Кусков отзывался очень тепло:

– М-ммм!..

А главное, Ерошкину выдали неожиданно большой аванс. Сейчас аванс висел в шкафу в виде норковой шубы и нового дизайнерского платья жены, Элеоноры Махмудовны. Иногда Ерошкин открывал шкаф, долго смотрел на шубу и платье, и ворчал:

– Черт – те что. Столько денег! И куда! Все ушло в карман этого прохвоста Шпингалевича!

– Котик, ну что ты говоришь! – всплескивала пухлыми руками Элеонора Махмудовна. – Шпингалевич – душечка! Он делает божественные вещи, и ты даже не представляешь, для каких людей он шьет! Котик, когда ты получишь гонорар, я обязательно закажу у него еще что-нибудь, ладно?

«Котик! – мысленно передразнивал жену Ерошкин. – Как денег нет, так «не гавкай», а как аванс получил, – так сразу «котик»...»

– Жулик твой Шпингалевич, а не душечка! – отвечал он жене. – Я, можно сказать, полгода надрылся, а этот ножничками чик-чик, – и пожалте, платите! А за что, спрашивается? Взять хотя бы платье. Тряпка тряпкой, и цвет какой-то болотный. Лягушачий, прямо скажем, цвет. Пуговицы еще какие-то дурацкие... Нет, чистый разбойник этот твой Шпингалевич!

После таких слов Элеонора Махмудовна запиралась в спальне, плакала и вспоминала, как Шпингалевич уговаривал ее сшить именно такое платье.

– Мадам, – ворковал кутюрье. – В моем платье вы опять станете девочкой, и больше двадцати пяти вам никто не даст! Вам будет завидовать весь город, а может быть, и вся страна! Нет, что я говорю: вся Европа искушает себе челюсть, что у нее нет такого платья! Вы видите эту ткань? Вы видите эту фурнитуру? Такие пуговицы делают только в Париже!

Клянусь мамой, это не пуговицы! Это – шедевр! Если вы увидите такую пуговицу на ком-нибудь еще, – придите и плюньте мне в бороду!

Пуговицы, по разумению Ерошкина, были самые обыкновенные, зеленые с золотым ободком, а стоили, как половина «Лады-Калина». И вот оно, болотное произведение Шпингалевича вместе с пуговицами из Парижа, висит в шкафу.

А денег – нет.

Ерошкин вздохнул, утопил сигаретный бычок в остывшем кофе, и пошел одеваться.

* * *

Через час писатель сидел в большом кресле в большом кабинете известного мецената, мусорного короля Чумодрылова, хозяина всех свалок на восточной окраине города. Сейчас король бегал по пушистому персидскому ковру, и развивал перед Ерошкиным перспективы совместной работы. От перспектив у писателя кружилась голова и чесались уши.

– Напиши роман из жизни свалки! – кричал Чумодрылов. – О деньгах не думай. Я сейчас же выдам аванс, и ты у меня будешь как сыром по маслу! Я покупаю только лучшее! Пиши, Ерошкин, пиши! Мне нужен роман! Еще мне нужен сценарий рекламы. Вот тебе идея. Я стою посреди свалки, а мне на голову сыплются золотые слитки... Ну, что-то в этом роде.

Чумодрылов подбежал к Ерошкину, положил руку на писательское плечо, и проникновенно пробасил:

– Я верю в тебя, сынок!

Конечно, если бы другой какой-нибудь тридцатилетний оболтус назвал Ерошкина «сынком», Ерошкин бы обиделся. Но Чумодрылов был невозможно, сказочно, восхитительно богат. И Ерошкин «сынка» проглотил. Ему даже стало приятно. Такова волшебная сила денег. Скажем, если какой-нибудь богатей молчит просто оттого, что ему нечего сказать, – все уверены, что в это время он обдумывает что-то очень важное, и простым смертным недоступное. А и брякнет богатый человек бездельцу, или вовсе глупость, – все тут же хлопают в ладоши и восхищенно качают головами:

– Да-а, вот ум у человека... Сказал, так прямо припечатал, и, главное, в точку!

Словом, многое, очень многое можно простить богатому человеку.

Да почти все и можно.

Ерошкин уже набрал в грудь воздуха, чтобы выдохнуть что-нибудь вроде «очень рад» или даже «навсегда ваш», но...

Ах, как часто все в жизни портит это «но». Кажется, счастлив человек до невозможности, – и вот на самом интересном месте откуда-то возникает это «но». Дьявол его знает, что за слово, и откуда оно в наш язык прибежало, а без него – никуда.

Закавыкой на этот раз оказалась пуговица. Она лежала на ковре у ног Ерошкина, и задорно подмигивала ему зеленым глазом с золотым ободком. Конечно, мало ли что валяется на полу в кабинете богатого человека. Но пуговица на ковре Чумодрылова была не простая, а та самая, от кутюрье Шпингалевича. Который уверял, что других таких пуговиц, кроме как на платье Элеоноры Махмудовны, больше нигде не встретишь.

Писательское воображение тут же подсказало Ерошкину, – Элеонора Махмудовна была здесь, в кабинете Чумодрылова, и именно здесь лишилась своей пуговицы. А известно, отчего замужние женщины теряют пуговицы в таких вот кабинетах...

Холодная липкая струйка пробежала по спине писателя. А на голове зачесалось то самое место, где у маралов растут рога.

– Ч-что эт-то? – прошептал Ерошкин непослушными губами.

Чумодрылов перестал бегать и озадаченно посмотрел на писателя.

– Где?

– Да вот! – писательский палец указал на злосчастную пуговицу. – Я интересуюсь, что это?

Король свалки проследил взглядом направление ерошкинского перста, подумал и сказал:

– Это – ковер. Персидский. Я покупал его в...

– Я в последний раз спрашиваю! – взвизгнул Ерошкин. – Он быстро нагнулся, схватил пуговицу и сунул ее под нос Чумодрылову. – Это. Пуговица. Зеленая. С платя. Моей жены!

– Послушай, уважаемый... – начал было король свалки.

– Я вам не уважаемый! – заорал Ерошкин. – И нечего тут вола крутить! Откуда здесь эта пуговица?! Что здесь делала моя жена?! Немедленно отвечайте, или я вас ударю... нет, я тебя убью! С моей женой... Извращенец!

– Но-но, – сказал Чумодрылов, на всякий случай, отступая за эксклюзивный стол красного дерева. – Откуда я знаю, что это за пуговица, и кто ее сюда притащил?! Мало ли кто тут ходит! А что касается жены, то я ее и в глаза не ви...

Закончить Чумодрылов не успел, – писательский кулак попал прямо в нос короля свалки.

Да, читатель, и королей иногда бьют. И даже – меценатов!

О времена, о нравы.

Впрочем, иногда достается и маститым писателям.

* * *

Выброшенный из меценатского особняка сильно помятый королевскими телохранителями Ерошкин, зажав в руке пуговицу-улику, решительно затрусил домой.

– Котик! Что с тобой?! – ахнула, открыв дверь, Элеонора Махмудовна. – Ты попал под машину?!

– Я тебе не котик! – рявкнул Ерошкин. – Попал под машину! Я попал под твою гнусную натуру, падшая женщина! Змея! Анаконда! Пригрел, можно сказать, на груди!..

– Да ты пьян, что ли? – осторожно спросила Элеонора Махмудовна. – Может, тебе постелить? Пойдем, я помогу тебе разде...

– Руки прочь от меня! – свирепым изюбром взревел Ерошкин. – Гидра! И это – мать моих детей! Или не моих? Я задушу тебя. Элеонора!

На шум в прихожую выскочили кот Мурзарий и дети, – две старшие дочери и детсадовец Петька. Мурзарий, быстро разобравшись в ситуации, предпочел вернуться к телевизору. Дочери разинули рты, а Петька немного подумал, – и заплакал.

– Вот! – простер руку к детям Ерошкин. – Вот до чего довела тебя похоть! Любуйся плодами рук твоих! Убью-у-у!

– Послушай, Котик, – пришла в себя Элеонора Махмудовна. – Кто дал тебе право...

– Кто дал мне право?! – торжествующе заорал Ерошкин. – А это ты видела?!

И протянул жене ладонь. На ладони спокойно лежала зеленая пуговица с золотым ободком.

– Вот кто дал мне право! – сказал Ерошкин. – И она еще спрашивает! Сейчас пойду, напьюсь!

– Не надо! – быстро сказала Элеонора Махмудовна. – Не надо напиваться. У тебя же язва, котик... Тем более, это не моя пуговица.

– Нет, твоя! – контратаковал Ерошкин. – Я ее нашел. И знаешь, где? Под столом у твоего любовника Чумодрылова! Отвечай, что ты делала у него под столом?! Ты ползала с ним по персидским коврам, в то время как я по капле выдавливал из себя роман! Вот что ты делала!

И Ерошкин вслух сказал то, что раньше осмеливался произносить только в уме:

– Стерва!

Некоторые женщины после такого бегут топиться к ближайшему водоему, – если, конечно, рядом не проходит железная дорога. Но Элеонора никуда не побежала. Она сказала:

– Значит, ты веришь этой пуговице, а мне, своей жене, не веришь? И это после того, как я отдала тебе лучшие годы?

Элеонора заплакала. Но писатель был в той стадии свирепости, когда на мужчину не действуют даже женские слезы.

– Ты хочешь доказательств? – спросил Ерошкин. – Пожалуйста. Они – на твоём платье. То есть, их там нет.

– Как это? – перестала плакать Элеонора Махмудовна.

– А вот так это! Если пуговица у меня в руках, значит, на платье ее нет!

Подобно спаниелю, учуявшему утку, Ерошкин ринулся в спальню, выдернул из шкафа болотно-зеленое дизайнерское платье и бросил его под ноги жены. Элеонора Махмудовна, всхлипывая, подняла платье, и принялась внимательно изучать его под вопли супруга.

– Для кого старался?! – кричал писатель. – На кого пахал?! Для чего жил?! Плюнули прямо в душу! И кто?! Единоутробная жена! А я-то, дурак...

– Дурак, – сказала Элеонора Махмудовна.

– Что-о? – спокойный тон жены сбил Ерошкина с толку. – Кто дурак?

– Ты.

Элеонора Махмудовна швырнула платье в лицо супругу.

– Протри очки, Отелло! Пуговицы-то все на месте!

Такого удара писатель Ерошкин не ожидал.

Он осторожно, словно ядовитую африканскую лягушку, взял в руки платье жены, и медленно пересчитал пуговицы.

– Одна... Три... Пять... Восемь... Восемь! Этого не может быть! Элеонора...

– Я тебе – не Элеонора! Я тебе – стерва! Я тебе – змея подколотная, гидра, и эта... как ее... анаконда!

Ерошкин растерялся.

– Но, Элеонорочка, – проблеял он. – Вышла страшная, роковая ошибка... Я не знал...

– Он не знал! Детей бы постыдился, хулиган! – развивала успех Элеонора Махмудовна. – Приходит домой пьяный, грязный, как свинья...

– Я не пил, – робко запротестовал Ерошкин.

– Тем хуже для тебя! – крикнула Элеонора Махмудовна. – Маньяк!

И вlepила мужу смачную пощечину.

– Ой! – сказал Ерошкин, отступая от продолжавшей увлеченно наносить апперкоты супруги. – Я больше не буду...

– Подозревать в измене! И кого? Меня! – не унималась Элеонора Махмудовна. – Говорила мне мама...

– Элеонорочка, – захныкал Ерошкин. – Клянусь, чем хочешь, вот хоть даже моим романом, я больше не буду! Никогда! До доски гроба... то есть, до гробовой... Давай обнимемся, а?

Он рухнул на колени, подполз к жене и обнял ее ноги.

– Уйди с глаз моих, негодяй! – выдала заключительную фразу Элеонора Махмудовна. И, отряхнув с ноги супруга, гордо удалилась в спальню.

Щелкнул замок.

Наступила тишина.

– Какую же глупость я сморозил! – прошептал Ерошкин, осторожно ощупывая распухший нос. – С Элеонорой ни за что поругался, Чумодрылова ударил. Можно сказать, своей рукой лишил себя гонорара!..

Ерошкин забегал по квартире в поисках выхода. Но выхода не было. Были стыд и самая страшная в мире обида, – обида на себя. Ерошкин постучал лбом о стену, но никакого резуль-

тата, кроме головной боли, не дождался. Он поискал веревку, но не нашел. А пистолета, чтобы застрелиться, у писателя не было.

Все было плохо.

* * *

Через час Элеонора Махмудовна впустила мужа в спальню.

Еще через полчаса она говорила Ерошкину, поправляя прическу перед зеркалом:

– Каков негодяй этот Шпингалевич! Обещал, что ни у кого в мире таких пуговиц нет, а вот она, в кабинетах разных валяется, и даже у самого Чумодрылова! Ну, встречу я его... Шпингалевича, то есть. Все скажу этому жулику прямо в его бесстыжие глаза! Тоже мне, кутюрье самодельный!..

Потом, по настоятельному требованию супруги, Ерошкин, приняв для храбрости две таблетки валидола, звонил Чумодрылову и просил короля свалок простить его. Сначала король не хотел с ним разговаривать, но потом оттаял. И даже обещал заказать Ерошкину сценарий рекламного клипа, где король стоит на свалке, а на него падают золотые слитки.

– А все-таки добрый, отходчивый человек этот Чумодрылов, – говорил Ерошкин, укладываясь спать. – Хуже того, – душевный он человек! Я, видишь, сегодня ему в нос вцепился, полфизиономии, считай, разодрал, – а он ко мне со всем уважением, и простил, и заказ дал. Побольше бы таких людей, и жизнь, Элеонорочка, была бы неопишная...

– Давай спать, котик, – зевнула Элеонора Махмудовна, поуютнее устраиваясь под одеялом. Уже засыпая, подумала:

– А вот было бы дело, если бы Шпингалевич не дал мне запасных пуговиц... И Чумодрылов, однако, неосторожен... Надо бы ему сказать завтра... завтра...

Тихо стало в писательской квартире.

Кот Мурзарий неслышно спрыгнул со спинки кресла, сладко потянулся, и ушел спать на кухню.

Страшная сила Рассказ

Равнодушие, господа, – страшная сила. Прямо мозги вскипают, когда видишь сегодня равнодушные населения людей! Раньше такого не было. Загулял мужик – его сразу в партком! Теща из домкома не вылезала. Жена – из профкома. С мужика снимали стружку, от него оставался один скелет в трусах, и с тех пор он гулял только дома.

Сейчас – не то.

На днях вижу – двое дерутся. Подошел поближе, желая рассмотреть факт получше, и был избит обеими дерущимися сторонами. По лицу. И что интересно: сразу после этого дерущиеся стороны куда-то испарились! Думаю, они и дрались только для того, чтобы меня побить. И вот в полиции меня спрашивают:

– Оpoznать дравшихся сможете?

Нашли дурака! Конечно, я их физиономии на всю жизнь запомнил. Но мало ли что... Решил их не опознавать. А на полицию написал жалобу. За равнодушие к предмету рукоприкладства. То есть, ко мне.

Из полиции вышел, стою на остановке. Вижу, старичок какой-то бодрый дорогу перебегает. Машины на него несутся, а он кренделя по проезжей части выписывает! Долавировал старичок до середины улицы, и остановился. Дальше, значит, идти опасается. И никто ему не помогает! Я специально сорок минут наблюдал: ни одна сволочь старичку руку не подала, через дорогу не перевела! Равнодушный, черствый у нас народ! Только я один старичка и пожалел.

Тут мой троллейбус подошел. И я уехал.

Еду и размышляю на предмет человеческого свинства. Потом одно место освободилось, и какая-то нахальная старушка на это место коршуном кинулась. Обидно мне стало, что есть еще среди нас такие невоспитанные старушки. И я ее опередил. Сам сел. Принципиально.

Сажу, возмущенный всеми фибрами души. А бабка надо мной нависает, и прямо взглядом буравит, анаконда! И шипит еще что-то.

– Ну, – думаю, – шипи-шип, гюрза! А я все равно имею полное право сидеть.

От возмущения даже свою остановку проехал! Все-таки тяжело быть принципиальным человеком!

Стал я из салона выдираться, а впереди – эта старинная пассажирка шкандыбает, дорогу мне перекрывает. Подтолкнул я ее слегка, для скорости. А она – раз! – и в заднем проходе растопырилась! Лежит, и не дает людям выйти! Я ей культурно говорю:

– Вы бы, бабушка, отползли куда-нибудь, а то, неровен час, наступят на вас какие-нибудь равнодушные люди. Еще задавят, не дай Бог!

А бабка – ни с места. Пришлось через нее у перепрыгивать. Чуть сам не упал. Вышел из троллейбуса, и смотрю, – бабушке никто не помогает. Так и наблюдал, пока она сама со ступенек не сползла. И на остановке разлеглась, как барыня. Я прямо все свои дела бросил, стою, смотрю, – кто бабушку с асфальта поднимет? Полчаса наблюдал, – ни одна собака внимания не проявила! Потом, правда, две женщины подошли, старушку подняли, на лавочку ее усадили, воды ей принесли. И – ушли. Я прямо от возмущения чуть слюной не поперхнулся! Вот, думаю, какие бывают холодные люди! А старушке много ли надо? Ты с ней посиди, поговори, про внуков поспрашивай... Нет, подняли бабку у с земли – и дальше себе побежали! Спрашивается, откуда в нас это жлобство?!

Потом в магазин погулять зашел. Смотрю, мужик у какой-то дамы кошелек из сумочки вытягивает. И главное, ловко так! Я головой туда-сюда повертел. Думаю, хоть один человек предупредит эту несчастную, что у нее кошелек уведут? Куда там! Все заняты собой! На их глазах женщину невинную обворовывают, – а им хоть бы хны! Даже и не смотрят в сторону места преступления!

Десять минут я этот возмутительный процесс наблюдал, Уже и воришка с кошельком убежал, – а никто этого факта преступления в упор не увидел. И я этой ограбленной женщине вежливо говорю:

– Мадам, я дико извиняюсь, но у вас минут десять тому назад поперли кошелек. Я сам видел!

– Что же ты раньше молчал, козел?! – вместо благодарности кричит эта дама. – А может, ты тоже жулик? А может, ты с тем ворюгой заодно? Полиция!!!

И – хрясь меня своей сумочкой по голове. Я удивляюсь, – почему это у женщин даже маленькие сумочки такие тяжелые? Это же как гирей по башке получить! Что они в них носят, интересно. И сколько мне еще унижений терпеть через мою доброту и равнодушие?

Пришел домой, и от расстройств вышел на балкон. Стою. Смотрю, внизу людишки туда-сюда бегают. И никто ни кого внимания не обращает! Прodelал научный эксперимент. Плюнул одному дядьке на шляпу. Попал. И вы думаете, хоть одна собака ему об этом сказала? Так и ушел мужик оплеванный. Черствые, равнодушные люди...

В это время слышу – в дверь звонят. Открываю. А там – тот оплеванный мужик. Молча ткнул кулаком мне в нос, вытер шляпу об мою рубашку, – и ушел. Ни тебе здравствуй, ни тебе до свиданья! Сразу видно, невоспитанный человек.

Вот так, господа, процветает среди нас поголовное хамство и равнодушие. Только я один борюсь против этого нехорошего явления. За что и терплю.

Трудно быть добрым.

Лайнер и лодки Размышлялка

Течет река жизни.

Много на ней поворотов и водоворотов, но несет она свои грязные волны к Чистому Океану, – и плевать ей на препятствия в виде людей. Такова волшебная сила всякой жидкости: ты ей веслом по башке, она тебя – брызгами по носу.

А в заключение еще и утопит.

И дальше себе потечет.

Плавают по этой жизненной реке разные люди на разных посудинах. Кто на белом океанском лайнере, а кто – в утлой лодочке. Но только лайнер до Чистого Океана и доплывает. А кто в лодку попал, – это его персональная неприятность.

Сам виноват – сам и выгребай.

Взять человека из любой лодки, – и не человек это вовсе, а один сплошной несчастный случай. Денег нет, на Багамах ни разу не был, дома жена хронически беременная, дети орут, и еще кран в ванной, подлец, опять потек! Тьфу! И кому, спрашивается, захочется смотреть на такое безобразие жизни? Какая, мы интересуемся, радость от этой горькой позы лица?

А посмотришь на плывущего в лайнере – вот удовольствие! Все у человека хорошо! В банке – гора денег. На всяких карибах-магрибах назагорался до тошноты. Дом – полная чаша, а там – жена прямо с конкурса красоты. На вилле – от мельтешения длинноногих блондинок морская болезнь начинается. Кушает человек икру половниками, пьет шампанское ведрами, сигары курит, – что твой Фидель Кастро! И оттого, граждане, физиономия у такого счастливого человека всесторонне круглая, гладкая и красивая. Редкий наблюдатель оторвет глаз от такой физиономии!

И спроси любого:

– Ну-ка, братец, покажи, с кем бы ты в разведку пошел, – вот с этим, у которого хроническая жена с капающим краном, или с тем, который икру на лайнере трескает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.